

В.С. Попова
МЕТАПСИХОЛОГИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА РИТОРИКУ¹

В статье рассматривается место и роль риторики сквозь призму установки метапсихологизма В.Н. Брюшинкина. Идея метапсихологической интерпретации риторики дает основание для признания её значимой роли в рамках аргументорики. Проведены параллели с учением о системе логического знания С.И. Поварнина, в котором метатеоретический подход дает возможность наметить перспективы практической логики.

The article considers the place and role of rhetoric in the light of Vladimir N. Bryushinkin's metapsychologism. The idea of metapsychological interpretation of rhetoric gives grounds for its acknowledgment as a significant part of argumentorics. The author draws parallels with S. Povarnin's study of the system of logical knowledge where the metatheoretical approach allows shaping the prospects of practical logic.

Ключевые слова: *психологизм, метапсихологизм, риторика, системная модель аргументации, аргументорика, логика, С.И. Поварнин.*

Keywords: *psychologism, metapsychologism, rhetoric, System Model of Argumentation (SMA), argumentorics, logic, S. Povarnin.*

Проблема психологизма в философии логики имеет современную значимость уже не столько в контексте обоснования логического знания (этот взгляд на проблему исторически был преодолен, можно констатировать самостоятельность логики, которая, впрочем, снова и снова ставит вопрос о своем предмете уже с современных позиций (см. Зайцев, 2011: 18-35)), сколько с точки зрения методологического и социокультурного статуса логики. Современный интерес к психологизму-ментализму (см. Брюшинкин, 2010b: 103-104) можно рассматривать как некий этап исторического развития судьбы этой проблемы. Подход, на который мы обратим внимание, можно обозначить как *метатеоретический* (В.Н. Брюшинкин, Г.В. Сорина) (см. подробнее Сорина, 2012: 20-

---

¹ Статья содержит результаты исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 13 03 00564.

45). Этот подход позволяет под новым углом зрения взглянуть не только на логическую проблематику, но также и на некоторые вопросы дисциплин логического цикла. В данной статье рассматривается место и роль риторики сквозь призму взглядов В.Н. Брюшинкина. Обосновывается мысль о том, что *важная методологическая установка – метапсихологизма*, сформированная Брюшинкиным в 80-е годы и сохранявшаяся на протяжении всей его научной работы, *может рассматриваться как основание для признания значимой роли риторики в рамках аргументорики*, хотя явно в работах В.Н. Брюшинкина эти области разделены. Таким образом, получает основания вывод о том, что метапсихологистский подход как методологическая установка позволяет определить место риторики в одной из современных концепций теории аргументации.

Анализ публикаций и лекционных материалов В.Н. Брюшинкина заставляют думать о том, что представление о роли риторики в теории аргументации Брюшинкина менялось. Риторика то включалась в теорию аргументации, то выводилась за скобки и приобретала относительно самостоятельные задачи.

Ссылка на метапсихологизм в этом контексте представляется возможной только в том случае, если программа метапсихологизма трактуется шире, чем она сформулирована в концепции Брюшинкина применительно к теории поиска вывода (ТПВ). Будем рассматривать программу метапсихологизма как программу исследования аргументативных процессов с использованием моделирования, при котором учитываются субъективные характеристики процесса порождения набора аргументов, стоящего за аргументативным текстом и вводится метасубъект (который создает представление субъекта убеждения в своем сознании).

Известно, что системная модель аргументации (далее – СМА), предложенная Брюшинкиным, претерпела эволюцию, была обогащена когнитивным подходом (2009-2010 гг.). Более ранние изложения системной модели аргументации (2000 – СМА (Брюшинкин, 2000), 2006 – Обобщенная СМА (Брюшинкин, 2006)) предполагали взаимодействие 3 подсистем: логической, когнитивной и риторической. При этом

все три подсистемы представляли некий способ воспроизведения модели аргументации. Выбор основывался на «образе рациональности адресата» логическом, когнитивном или риторическом.

Некоторые нынешние исследования пришли к тому, что базовая идея СМА (синтез трех подсистем для построения модели аргументации) не очень согласуется с когнитивным подходом. При «когнитивном повороте», при котором аргументация понимается как умственная деятельность, требуется реконструировать процессы мышления на основании некоторого текста. «В логическом подходе действия по созданию набора аргументов...не учитываются в логической структуре аргументации, которая основывается на формальных связях» (Брюшинкин, 2010а: 18-19), логика не может воспроизвести когнитивный аспект аргументации. Встает вопрос также и о статусе риторической подсистемы, которая в СМА была приложима к анализу аргументативного текста, к его реконструкции, а не к умственным действиям.

При описании идеи когнитивного подхода В.Н. Брюшинкин говорит о том, что дело риторики — это осуществление аргументации, поскольку риторика имеет дело с *реальным* адресатом убеждения, а в аргументорике рассматривается представление субъекта об адресате (см. Брюшинкин, 2010а). В аргументации как деятельности субъекта убеждения реальный адресат заменяется на «образ» в сознании субъекта. Риторика в связи с когнитивным поворотом в СМА оказывается на расстоянии двух абстракций от аргументации: первая абстракция — отвлечение от ситуации реального диалога сторон, активности адресата, отвлечение от реального адресата и создание его образа. Риторика как бы отдалается от аргументации.

Это обособление риторики от теории аргументации также проявляется при выделении предмета аргументорики (см. Брюшинкин, 2008). Риторика как область знания эмпирична, не сформировала собственной научной абстракции, предметной области и методологии. Собственно, поэтому она не может участвовать в построении теоретических моделей аргументации.

Однако из этой же статьи об аргументорике следует, что некая абстракция у риторики как области знания все же есть. Это *абстракция от многозначных отношений коммуникации и выделение субъект-субъектного взаимодействия в диалоге*. Из полилога (коммуникации), абстрагируется диалог «с целью теоретического воспроизведения полилога выделяются диалогические акты, на которые может быть разложен любой процесс коммуникации» (Брюшинкин, 2008: 10). Изучением диалога занимается риторика. Аргументация же идет дальше по пути абстракции и принимает тезис об односторонности влияния одного лица на другое.

Мысль о том, что риторика обязательно должна предполагать диалог, рефлексивное взаимодействие, при котором адресат влияет на субъекта аргументации или они обязательно меняются местами, представляется достаточно дискуссионной. В истории риторики сложилась существенная часть этой области знания, дающая теорию и практику создания ораторской речи как монолога (оратор-слушатель-речь). Есть основания полагать, что к 2011 году В.Н. Брюшинкин несколько пересмотрел место диалога (а значит — и место риторики) в когнитивном подходе: «Хотя когнитивный подход не настаивает на обязательности диалога, на его основе можно определить аргументативный диалог» (Брюшинкин, 2012: 11).

Итак, риторика все же обладает неким правом на абстракцию. И во взглядах Брюшинкина можно найти ряд проявлений, указывающих на то, что он скорее признавал теоретическую роль риторики.

В обсуждениях курса риторики, в своих авторских лекциях он подчеркивал, что риторика может трактоваться в логико-аргументативном и в филологическом аспектах. Логическое направление преподносилось им как более теоретичное, четкое и последовательное, как то видение, которое нужно распространять и развивать наряду с другими дисциплинами логического цикла. В лекциях он часто ссылался на Аристотеля, полагая, что именно у него представлен такой «логический образ» риторики. В лекциях Брюшинкин давал примерно такое определение риторики: *«Риторика — это теория, систематизирующая способы убеждения*

и виды их выражения в речи». У риторике теоретическая роль по отношению у ораторскому искусству. В качестве центральной категории риторике он, вслед за Аристотелем, выделял «способ убеждения». «Способ убеждения – прием, который позволяет делать мысли приемлемыми для себя и для другого человека». Позже что-то созвучное появляется в статье «О двойной роли риторике» (2011): «...риторика вводит в учение об аргументации такое важное свойство как приемлемость для адресата, которая не связана напрямую с такими свойствами как обоснованность и содержательная истинность убеждений, а целиком зависит от свойственных адресату опор убеждений» (Брюшинкин, 2011: 9).

Упомянутая выше статья В.Н. Брюшинкина, посвященная осмыслению места риторике в когнитивном подходе и СМА, допускает абстракции в риторике и её теоретическую роль. Это подтверждается также практической частью этого исследования. При анализе текста Ницше, В.Н. Брюшинкин приходит к мысли, что там «эта установка (установка на образность в представлении адресата – В.П.) влечет за собой способ порождения набора аргументов – риторика становится «матрицей» «порождающей моделью» набора аргументов» (Брюшинкин, 2011: 14). Это означает, что риторика все же позволяет абстрагироваться от конкретного адресата и участвовать в моделировании.

Итак, во взглядах Брюшинкина можно наблюдать *эволюцию от представления о риторике как некоей эмпирического характера дисциплине, связанной с внешней обработкой речи к признанию наличия в этой области некоторых, пусть и недостаточно систематизированных, абстракций и обозначению теоретической роли риторике, её причастности к порождению аргументов в уме субъекта. Это можно объяснить наличием метапсихологической пресуппозиции* во взглядах В.Н. Брюшинкина.

Концепция метапсихологизма, (которую Г.В. Сорина характеризует как анти-анти психологизм) является как бы преодолением односторонности психологизма и антипсихологизма, а также отражает попытку при использовании научных абстракций все же «сохранить» человека, производящего мыслительные действия.

Из статьи Брюшинкина о метапсихологизме Канта (Брюшинкин, 2004) можно извлечь мысль о том, что психологические и внепсихологические (логические, лингвистические, риторические) структуры могут обосновываться независимо друг от друга (что позволяет избежать наивного психологизма). При этом независимом обосновании они могут сообщать важную эвристическую информацию друг о друге и между этими областями может устанавливаться отношение моделирования. В этом случае можно вести разговор о метапсихологистском видении рассматриваемой области знания.

Итак, 1) *может ли риторика как область знания давать важную информацию о том, что происходит в уме субъекта; и наоборот, 2) то, что происходит в уме субъекта аргументации, дает ли информацию для риторической обработки текста.*

И первое, и второе есть в СМА в рамках когнитивного подхода. Это выражается в двойкой роли риторики: порождающей и оформляющей. Порождающая — при построении набора аргументов используются риторические средства, которые свидетельствуют о том, на основании чего использованы эти средства (так, обилие метафор говорит нам об установке на образность, которую фиксирует в своем уме субъект аргументации). Это означает, что риторика свидетельствует о действиях ума субъекта аргументации. С оформляющей ролью риторики все более очевидно — риторические средства используются с учетом образа адресата и, наверное, здесь могут быть установлены некие научные обобщения и зависимости.

Риторика, несомненно, имеет связь с образным мышлением, которое, в свою очередь, задействовано в процессе аргументации как умственных действиях. На наш взгляд, в моделировании процесса, который можно обозначить как *умозрение*, для риторики можно открыть определенные возможности, при которых предмет риторики не будет связан только с внешними речевыми действиями, но будет установлена связь между аргументацией (как ментальным процессом) и её экстериоризацией. Но для этого нужно выделить некие риторические единицы анализа знаний, из которых будут складываться более сложные структуры, основанные

на ином типе связи, нежели логический (тип связи — отношение между высказываниями) и когнитивный (тип связи — причина-действие, ментальная причинность). Вероятно, здесь на новом, современном уровне можно вернуться к ассоциативным связям, а единицей анализа будет метафора. В этом случае нужна теория, в рамках которой были бы выделены базовые, архетипические метафоры, назовем их *метафоремы*.

Возможно, что риторическая подсистема модели аргументации может иметь отношение к тому, что происходит в уме субъекта (к когнитивному пониманию аргументации) через понятие *тона* (включающего разные виды ценностных и прагматических установок) и более сложной структуры — *стиля мышления*. Для этого можно, например, установить связь между стилем мышления и стилем речи, определенными предпочтениями способов выражения аргументов. Такого рода теоретический базис риторической области с некой системой научных абстракций дан, например, в концепции Ю.В. Рождественского (Рождественский, 2005).

Метапсихологистский взгляд на риторику, при котором она могла бы иметь существенную и специфическую роль в когнитивном подходе, предполагает ответы на вопросы, наподобие следующих:

- Способна ли риторика давать какую-то информацию об умственных действиях субъекта убеждения с точки зрения метасубъекта (который создает представление субъекта аргументации в своем сознании)?

- Можно ли, основываясь на теории риторики, ставить вопрос, почему субъект аргументации отдает предпочтение тем или иным риторическим средствам, чем это обусловлено?

- Можно ли производить анализ психологической, ментальной обусловленности выбора риторических средств?

Полагаю, что именно метапсихологистская программа позволяет расширить поле теоретических и практических возможностей риторики в рамках аргументорики.

Итак, риторика — дисциплина, несомненно, основывающаяся на логике и имеющая наиболее существенные

свои абстракции именно в области логического знания. Здесь можно сослаться на Аристотелевский замысел этой науки, призванной рассматривать и систематизировать возможные способы убеждения, которые являются своеобразным «ослабленным» вариантом логических процедур. В практическом смысле риторика — область знания, принимающая во внимание субъективно-эмпирические характеристики и, следовательно, имеющая материал для интерпретаций ментально-речевых действий: «...в той мере, в какой риторика может быть названа теорией, это теория о том, как люди на самом деле думают, как они аргументируют и действуют, а совсем не о том, как они должны себя вести или как должны рассуждать» (Розенгрэн, 2012: 69). В этом смысле она имеет отношение к менталистским позициям.

Риторика является частью системы дисциплин логического цикла, придающей ей «человекомерность». Идея системного взаимодействия различных форм логического знания была выражена, например, С.И. Поварниным: «Если же мы обратимся к логике, и будем строить предположения о дальнейшем её развитии, то наиболее вероятным окажется мнение, что она распадается на целую систему тесно связанных друг с другом, но все же отдельных логических наук. И формальная и конкретная, и психологическая и объектная логика, и практические и нормативные и чисто теоретические задачи, и эмпирический и рациональный метод — все это найдет в том или ином виде и своё место и приложение к разработке огромного, во многом не разработанного современной логикой материала. Термин «логика» станет в этом отношении собирательным термином» (Поварнин, 1921: 51-52). Логистику Поварнин считает отдельным, своеобразным по задачам направлением, расходящимся с какой бы то ни было логикой. Все перечисленные в ранее приведенной цитате виды логического знания Поварнин характеризует, типологизирует, анализирует исторические проявления таких позиций. Здесь следует обратить внимание на практическую логику, поскольку именно она включает в себя риторику и эристику, знаменитое учение Поварнина о споре. Поварнин, основываясь на обширных знаниях современной ему логической литературы, делает вывод о том, что

происходит борьба двух основных групп: «а) психологических логиков эмпирического характера с сильным уклоном в сторону практической и конкретной логики...»; «б) объектная логика, часто с резко выраженным формальным характером, рационального типа, с уклоном к математическим методам, или к тесной связи с онтологией» (Поварнин, 1921: 49). При всей логической культуре Поварнина, это — неисключающее деление, и вот почему: в логике должна различаться общая часть и методология. Эта идея синтеза на новом уровне знания сродни идее метапсихологизма: «...важен дальнейший шаг вперед по объединению формально-рационального и психологически-эмпирического направления логики. Психологические исследования здесь нужны не только в пользу методологии, но и как необходимая предварительная работа, без которой невозможна правильная обработка формальной логики» (Поварнин, 1921: 51). При этом Поварнин не занимает психологистской позиции (см. подробнее (Сироткина, 2013), он убежден, что принятие психологизма связано с рассмотрением индивидуального эмпирического субъекта. Практическая логика не сводима к рассмотрению «эмпирических процессов душевной жизни». При том, что в теории и практике спора важны субъективные характеристики, включенные в эмпирические обобщения (рассматриваются такие понятия как «логический такт», «манера спорить», «кажущиеся нам убедительными доводы» и т.п.), Поварнин рассматривает это знание как часть практической логики, требующую теоретической разработки («"Эвристика" Шопенгауэра, являющаяся необработанным набором случайно попавшегося под руку материала — не в счет» (Поварнин, 1923: 1). Приведенная оглядка назад, в сторону русской логики и риторики, дает ещё один пример того, как идея синтеза двух непримиримых позиций позволяет найти место риторике в системе логических дисциплин, того, как метатеоретический взгляд на разные типы логического знания позволяет расширить поле теоретических и практических возможностей одного из них — риторики.

Подводя итог, можно согласиться с оценкой нового психологизма Г.В. Сориной как проекта в целом «гуманитарной установки» в логике (шире — в области дисциплин логического цикла, в аргументорике), знаменующего возвращение в эту область «человеческого фактора». На мой взгляд, именно метапсихологистская программа Брюшинкина косвенно подкрепляла стремление к решению более широкой философско-культурной задачи — через структуры аргументации выявить характерные черты культуры народа, к которому принадлежит исследуемый мыслитель. Принятие во внимание возможностей риторики на этом пути представляется конструктивным в методологическом плане.

Литература

- Брюшинкин, В.Н. (2000) 'Системная модель аргументации', *Трансцендентальная антропология и логика*, Калининград, с. 133-155.
- Брюшинкин, В.Н. (2004) 'Метапсихологизм Канта', *Кантовский сборник*, № 24, с. 65-73.
- Брюшинкин, В.Н. (2005) 'Обобщенная системная модель аргументации', *Аргументация и интерпретация. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сборник научных статей под ред. В.Н. Брюшинкина*, Калининград, с. 11-17.
- Брюшинкин, В.Н. (2008) 'Аргументорика: исходная абстракция и методология', *Модели рассуждений-2: Аргументация и рациональность*, Калининград, с. 7-19.
- Брюшинкин, В.Н. (2010а) 'Когнитивный подход к аргументации', *Модели рассуждений-3: когнитивный подход*, Калининград, с. 9-28.
- Брюшинкин, В.Н. (2010b) 'Логика и процедуры поиска вывода', *Логические исследования*, № 16, с. 85-106.

- Брюшинкин, В.Н. (2011) 'О двоякой роли риторики в системной модели аргументации', *Модели рассуждений-4: Аргументация и риторика*, Калининград, с. 7-18.
- Брюшинкин, В.Н. (2012) 'Аргументация: общество и сообщество', *РАЦИО.ru*, № 7, с. 4-19.
- Зайцев, Д.В. (2011) 'Логика аргументативного следования', *РАЦИО.ru*, № 6, с.18-35.
- Поварнин, С.И. (1921) *Введение в логику*, Петроград.
- Поварнин, С.И. (1923) *Искусство спора*, Петроград.
- Рождественский, Ю.В. (2005) *Принципы современной риторики*, Москва.
- Розенгрэн, М. (2012) 'К вопросу о доха: эпистемология «новой риторики»', *Вопросы философии*, №6, с. 63-73.
- Сироткина, Л.С. (2013) 'Логическое учение С.И. Поварнина в контексте проблемы психологизма-антипсихологизма', *РАЦИО.ru*, № 11, с. 53-74.
- Сорина, Г.В. (2012) 'Проект «психологизм-антипсихологизм» в метатеоретическом контексте', *РАЦИО.ru*, № 8, с. 20-45.

Об авторе

Варвара Сергеевна Попова – кандидат философских наук, доцент кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, varyud@mail.ru.

About author

Dr. *Varvara Popova*, Associate Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, varyud@mail.ru.